

236 СУДЬБА

**Олег
ОСТАНИН**
г. Архангельск

Яколёвна – Яколёвнучка

Деревня стояла на «угоре», это по северному, по архангельскому говору. Она стояла на мысе-холме, у слияния двух небольших лесных речек. «Мосовица» (от слова мыс), так местные жители называли место, что занимала деревенька.

Состояла деревня из четырех домов. В конце 50-х годов XX века в этой деревне Верхоиковской проживали три старушки с внучатами дошкольного возраста. Деревня, окружённая лесами, а зимой ещё и заметённая снегами по самые крыши, имела одну грунтовую дорогу, по которой из центральной усадьбы очень редко приходил или гужевой, или автомобильный транспорт, да и то проездом. На севере России зачастую расстояние между деревнями в 15-20 километров и за расстояние никто не считает, а считают эти деревеньки соседскими. Ближайшая центральная усадьба находилась от Верхоиковской в трёх верстах. Но кто те вёрсты мерил?..

Старики, коих я ещё застал живыми, говорили, что ещё в конце XIX века деревенская дорога именовалась Питерским трактом и вдоль неё стояли крашенные известью и смолой верстовые столбы... Но когда их ставили и меняли – никто уже не помнил. А шутка, что «семь вёрст до небес, да всё лесом...», жива до сих пор в северных деревнях.

Итак, в деревеньке из четырех домов в конце 1960 года жили три старушки и два внука.

Крайний справа, самый крепкий двухэтажный дом был домом моей бабушки, Анны Афанасьевны Останиной. По имени мужа Тимофея имевшей прозвище «Тимошина».

В следующем, тоже крепком, но одноэтажном доме жила семья старушки Липы – имевшей пол-

ное имя – Евклидия. Но в деревне все её звали Липой. У неё было двое внучат, но с ней жил только старший внук – Сергей. Мой закадычный деревенский приятель.

В последнем двухэтажном доме жила одна старушка, сестра моего деда – Мария Ивановна. Её дочь и внуки жили в Центральной усадьбе, где она часто и подолгу гостила.

Третьим по счету домом была маленькая, неказистая избушка, серая от старости, с какой-то «ершистой» крышей. Доски кровли (тёс по-северному) были уложены неровно и торчали в разные стороны. Издалека эта избёнка походила на нахолившегося воробья. Наличники двух подслеповатых маленьких оконеч по фасаду, никогда не знавшие краски, дополняли сходство с нахолившейся маленькой птичкой.

В этом домике жила самая старая из всех старушек, бабушка по прозвищу Яколёвка-Яколёвна. Ей в ту пору было больше 80 лет. Муж её Яков погиб ещё в Первую мировую войну.

Её избушка не имела рубленых сеней и скотного двора – обязательных архитектурных составляющих северной деревенской избы. Вместо них был дощатый коридорчик, в котором хозяйка когда-то держала козу и пару овец. Своей коровы, обязательного в крестьянской семье домашнего животного, Яколёвка никогда не имела. Даже по меркам скромных возможностей деревенских строителей позапрошлого века, это строение назвать избой можно было бы с большой натяжкой.

Маленькая, но очень тяжелая деревянная дверь, сделанная из толстенных плохо обструганных топором досок, имела большую кованую скобу (вместо

ручки) и открывалась с сухим и заунывным скрипом. Дверь как бы извещала своим визгливым скрипом всю деревню о том, что хозяйка домика ещё жива и что ещё справляется с этим творением столярного ремесла позапрошлого века.

Дверь из коридорчика вела сразу в избу, где половину светёлки занимала белёная известью русская глинобитная печь. В парадном углу под образами стояли деревянный стол, покрытый клеёнкой, две лавки, да справа от двери деревянная, опрятно заправленная кровать. На кровати Яколёвнушка не спала, а спала на деревянной лежанке, пристроенной к печи, – голбце. На стене меж двух подслеповатых оконцев мутно-жёлтого стекла висели часы-ходики со ржавым жестяным циферблатом без цифр. К цепям этих часов был подвешен маленький чугунный утюг. Вероятно, стандартные гири не выполняли свою функцию, и Яколёвна для улучшения работы часов подвешивала утюг. Стрелки этих часов, кажется, куда-то сильно спешили... Впрочем, Яколёвна никогда не смотрела на часы своими подслеповатыми глазами, а определяла время по солнцу, по свету и ещё по многим природным приметам. Старые часы ей кто-то подарил (вероятно, не решившись выбросить их). И они ей нужны были не для определения времени суток, «а чтобы тикали», так она говорила. И жители деревеньки понимали, что часы как-то ликвидируют затянувшуюся тишину этой хибарки и сглаживают одиночество хозяйки.

В светёлке всегда было прибрано, некрашенный пол выскоблен речным песком добела, немногочисленные глиняные крынки вымыты и уложены на полке около печи. Все пожитки Яколёвнушки не то чтобы скромно говорили о её бедности, а как бы однажды стоном-выдохом крикнули о её нищете и замолкли на всю оставшуюся длинную жизнь...

И вот в такой избушке, не знавшей ремонта, прожила всю свою жизнь самая пожилая из трёх деревенских жительниц. Я даже не знал полного её имени. Все звали её по северному обычаю то Яколёвной, то Яколёвкой, а то и Яколёвнушкой.

Яколёвна пережила времена самодержавия, Первую мировую войну, в которой потеряла мужа, революцию, интервенцию Севера, Гражданскую войну, коллективизацию, финскую и Вторую мировую войну. Всю жизнь она занималась крестьянским трудом. С образованием колхоза – до глубокой старости работала в колхозе, причём за «трудодни», то есть не получала никаких денег, а только продукты питания – такая была система оплаты в колхозах.

Она одна вырастила дочку, которая уехала в областной город. Там дочка состарилась, не выходя замуж, стала пенсионеркой и в деревню приезжала нечасто. Говорили, что дочка звала жить Яколёвнушку к себе в город, но та наотрез отказывалась. Фактически

Яколёвна всю свою жизнь безвыездно прожила в этой деревне, в этой избушке. Когда преклонного возраста Яколёвна уже не смогла работать, щедрое и заботливое государство рабочих и крестьян назначило ей пенсию в пять рублей в месяц.

Яколёвна не знала грамоты. Пенсию она получила после хлопот правления колхоза, и то пенсия была назначена по «утере кормильца», т.е. на убиенного ещё в Первую мировую войну мужа.

Жила Яколёвна скромно, довольствовалась малым. Весной, летом и осенью возилась в маленьком огорожке, питалась тем, что вырастит, да молоком от козы. Колхоз помогал ей, выделяя для козочки сено, а весной пахали плугом её огорожок. Северные люди умеют помнить добро... А в зимнюю пору мамыши из соседней деревни и посёлка леспромхоза нанимали Яколёвнушку нянчиться с малышней, расплачивались тем, что кормили старушку и дарили ей поношенную обувь и одежду... Так почти два десятка лет Яколёвна работала нянькой «по вызову». Несколько поколений ребятни вынянчила Яколёвнушка.

К моей бабушке Яколёвна относилась очень уважительно. Когда-то мой дед, когда ещё был жив, годами обеспечивал Яколёвну дровами из лесу. Затем эстафету деда по доставке дров принял мой дядя, пока не уехал в другое, дальнее село. В северных деревнях без дров жить невозможно – край суровый. Зимы длинные и холодные. А в избе должно быть тепло – печи топят два раза в сутки. После моего дяди дрова из лесу для Яколёвнушки стал заготавливать наш родственник – Иван Фёдорович. Он жил на Центральной усадьбе, что в трех верстах от нашей деревни, имел большую семью из пяти ребятшек, большое подсобное хозяйство. Он был трудягой, сейчас назвали бы «трудоголиком», работал в колхозе и в леспромхозе по 20 часов в сутки, был искусным плотником и столяром. Работал без выходных и отпусков и слыл отменным хозяином.

Обычно дрова заготавливают в марте, когда снег в лесу становится твёрже, покрывается коркой – настом. По насту легче вывозить на лошадях брёвна из лесу. Сани не проваливаются в глубокий снег. В марте и день становится светлее и длиннее и можно больше выполнить работы засветло. Но в том году, весной, по неизвестной причине Иван Фёдорович дров для Яколёвнушки не привёз. Наступило лето, топить печь ежедневно отпала необходимость.

Июльским тихим жарким вечером Яколёвнушка кормила своих кур. Вдруг звенящую тишину забытой всеми деревеньки нарушил рокот автомобиля. Грузовик подъехал прямо к избушке Яколёвны. Из кабины вышли Иван Фёдорович и водитель. Открыв деревянные борта грузовика, они принялись скидывать на землю тяжеленные и толстенные сосновые сырые

чурки дров. Пот струился по их лицам. Яколёвнушка, причитая благодарности и хвалы Богу, вынесла работникам медный ковшик холодного квасу, при этом виновато сказав: «А бражки-то нетууу...» Водитель махом осушил ковшик. Иван Фёдорович отказался. Яколёвна, поманив крючковатым пальцем Ивана Фёдоровича во двор, достала из кармана передника узелок из носового платка. Дрожащими руками развязала его. В узелке оказался новенький, предательски хрустящий на весь двор зелёный «трёшник» – ассигнация номиналом в три рубля. Для Яколёвны эти деньги были всей её наличностью, почти целым состоянием, почти месячной пенсией. Трясущимися пальцами, с беззубой улыбкой она протянула Ивану Фёдоровичу своё единственное и самое ценное на сегодняшний день. При этом она нараспев произносила: «Храни тя Господь, Иванушко Фёдорыч, прими за труды свои...»

Пикантность этой сцены и ситуации состояла в том, что ни мой дед, ни мой дядя и сам Иван Фёдорович денег за дрова с Яколёвны никогда не брали. Край наш лесной. Дрова для нужд колхозников выписывали попённо. То есть после рубки деревьев лесничий, такой же деревенский мужик, считал пни и выписывал документы на небольшую плату, доступную всем (в соответствии с законом). Труд по раскряжёвке бревен и колке дров мужики просто дарили Яколёвне.

Вывозили брёвна из лесу на колхозных лошадях так же бесплатно для колхозников. Так, десятками лет Яколёвна получала бесплатно дрова. А нанять автомобиль считалось дорогим удовольствием. Машины для вывозки брёвен были только в леспрохозе, где приезжая шоферня зарабатывала на этом дополнительный магарыч. Расплатиться с ними можно было, выставив им две бутылки водки. Примерно 6 рублей деньгами – огромные деньги для неимущих старушек!

Но в этот раз был особый случай. Иван Фёдорович нанял машину и должен был расплатиться с водителем. Почти 90-летняя старушка рассчитывала, что Иван Фёдорович откажется от денег. Но тот взял драгоценный трёшник и тут же отдал его шофёру. Скривив постную потную рожу, шофёр тихо матюгнулся, но вовремя посмотрел на Ивана Фёдоровича и как бы запнулся, вовремя умолк под твёрдым взглядом нашего родственника. Водитель был из приезжих – вербованных, но знал Ивана Фёдоровича, знал его непререкаемый авторитет бригадира вальщиков леса, знал, что даже директор леспрохоза здоровается с бывшим фронтовиком-разведчиком только за руку. О физической и нравственной силе Ивана Фёдоровича, о его справедливости и честности в ближайших деревнях ходили легенды. Вероятно, перед вывозом дров они

договаривались о большей сумме, которой на данный момент ни у кого не было...

Водитель молча хлопнул дверцей и укатил. А Иван Фёдорович, как будто ничего и не произошло, принялся катать чурки и укладывая их в штабель для просушки.

Спустя пару дней Яколёвна зашла к нам во двор. Бабушка пригласила её в дом, но та отказалась. Затем Яколёвнушка несмело начала бесхитростное повествование: «Намедни Фёдорыч-то неожиданно дрова мне привёз (делала при этом ударение на первом слоге), хорони его Господь! А сегодня я была в сельпе, за спичками ходила, а он проезжал мимо крыльца сельповского на телеге. Я ему: «Доброго здоровьёшка, Иван Фёдорыч!» А он только головой кивнул да как лошадь понюжнёт! Да и укатил, подняв пылишшу! Обиделся, думаю... Мало денег-то я ему дала». Моя бабушка дипломатично промолчала...

«Наверное, пятёрку денег-то надо было дать, – продолжила соседка, – а у меня только трёшник от пензии-то и остался». Бабушка опять промолчала. Иван Фёдорович был мужем племянницы моего деду. По северным понятиям – очень близкий родственник, действия которого бабушка не могла обсуждать, какими бы эти поступки ни были. Многих в деревне Иван Фёдорович снабжал на зиму дровами. Но тут был особый случай, Иван Фёдорович должен был заплатить пришлому чужаку – водителю свои деньги. Причём заплатить не за родственницу. Обе старушки это понимали.

Яколёвна говорила, а бабушка молчала. Яколёвна хотела получить моральную поддержку, совет от своей ближайшей соседки. Она хотела выговориться и чтобы бабушка одобрила её действия.

Яколёвна продолжила: «Я со следующей пензии подам ему ещё два рубля... Но рубли давать как-то нехорошо. Мало как-то... Подам ещё один трёшник... Но опять же, шесть-то рублей – это много-о-о-о... больше пятёрки-то... Была бы пятёрка-то сразу, сразу бы и подала. А то вот... Осрамилась...»

Бабушка молча порылась в кармане своего передника. Извлекла оттуда такой же узелок из носового платка. Кошелев эти старушки никогда не имели. Развязала узелок, помогая себе зубами, так туго он был завязан. И извлекла из него звенящую мелочь и помятый, старый трёшник и протянула его Яколёвне: «Возьми, Яколёвнушка, и отнеси Ивану Фёдоровичу. Не надо ждать целый месяц. Скоро август, дожди и сиверко подует, надо печь топить, а у тебя дрова-то не колоты...»

«Ой, да что ты, Тимошина, да сама-то как?..» – запричитала Яколёвна.

«У меня внук на лето приехал, а с ним и пятёрку денег дочка послала, так что проживу, – отве-

чала бабушка. – Бери и отнеси Фёдоровичу», – добавила она.

Немногословный диалог, свидетелем которого я был, закончился. Яколёвна, несмотря на то что день клонился к вечеру, быстро собралась и по тропинке юрко засемила своими короткими, похожими на колёсико, больными, покрытыми выпуклыми синими жилами ногами. Она спешила, чтобы протопать три версты и отдать злополучную трёшницу Ивану Фёдоровичу. По пути она шёпотом благодарила Бога за совет, за помощь и за доброту соседки и её родственника.

Через пару дней вся деревня снова слышала шум автомобиля. На этот раз все немногочисленные жители деревни выкатили на улицу. Вечерело, но солнце летом на севере светит долго – поллярный день. Та же машина с расхрястанными деревянными бортами подъехала к дому Яколёвны. Из кабины выскочил тот же водитель и молча, открыв борта, принялся сваливать чурки. Ивана Фёдоровича с ним не было...

Обычно одной машины дров не хватало, чтобы прожить зиму в тепле. Но Яколёвнушка планировала экономить дрова и о второй машине дров и не мечтала и, что самое главное, и не договаривалась. Она как всполошившаяся курица-наседка бегала вокруг машины и «кудахтала», и хлопала себя руками по бокам.

«Мил человек! Да что ж ты творишь-от! – искренне возмущалась она. – Да нету у меня больше денег-то-о-о!... Да чем же я с тобой расплачусь-то-о-о... Аспид ты этакой!.. – причитала она. – В жизни в долгах не хаживала, а тут срамота-то какая-я-я-я», – чуть не плача голосила Яколёвнушка.

Водитель продолжал кидать тяжеленные, смолистые, покрытые красной корой свежие сырые сосно-

вые чурки. Бабушка молча подтолкнула меня – «помоги, мол». Для меня – мальчишки, эта работа была как интересная игра. Вслед за мной в машину неуклюже влез полноватый мальчишка-сосед Серёжка. Смеясь и дурачась, вдвоём с Серёжей мы довольно быстро скатывали чурки. Через час машина опустела. Яколёвнушка немного угомонилась и вынесла шофёру квасу. Осушив ковшик, тот сказал Яколёвнушке: «Успокойся, мать! За всё уже заплачено». Хлопнул дверцей и укатил восвояси, нарушая тишину деревни рёвом двигателя и клубами пыли, смешанной с бензиновым чадом. Так мы никогда и не узнали, как расплатился Иван Фёдорович с водителем за дрова. Но старушки больше и не обсуждали меж собой этот вопрос... Некоторое время спустя подсохшие чурки Иван Фёдорович все расколочил. Работал колуном сноровисто, до поту, несколько вечеров подряд. А затем мы всей деревней помогли Яколёвнушке разобрать колотые дрова из нескольких куч и сложить поленья в длинные, белые невысокие поленицы вдоль огорода около избушки.

P.S. Через год не стало моей бабушки. Она умерла в Архангельске, приехав к нам в гости. Она не мучилась, умерла мгновенно от остановки сердца. Вероятно, у неё был инфаркт миокарда. Я уже работал врачом, когда узнал весть от деревенских жителей, что Яколёвнушка жила в деревне почти до столетнего возраста. Она ослепла. Её престарелая дочка забрала свою маму на житьельство в город. Там Яколёвнушка пережила и свою дочку, та умерла раньше неё. Дальнейшая судьба этой старушки мне неизвестна...

**Февраль – март 2012 г.
Тэдинка, г. Архангельск – 2020 г.**

Олег ОСТАНИН

окончил Архангельский

государственный медицинский институт.

42 года работает врачом.

В настоящее время врач-хирург

филиала Военно-морского госпиталя.

Живет в Архангельске.

